

ВОРОНЕЖСКИЕ НЕМЦЫ НА ПРИАЗОВСКОЙ ЗЕМЛЕ С 1852 ПО 1917 ГОД**А. Н. Курцев***Курский государственный университет*

Поступила в редакцию 4 февраля 2015 г.

Аннотация: в публикации впервые освещаются общность и специфика оттока части германских колонистов в Южную Россию по сравнению с переселением воронежского крестьянства с середины XIX столетия по эпоху гонений немцев в Первую мировую войну, особенно жестоких в отношении новоселов самых молодых колоний в Донской области.

Ключевые слова: аграрное заселение, немецкие колонисты, военные репрессии.

Abstract: the generality and specificity of the outflow of a part of German colonists to the South Russia are elucidated for the first time in the article, comparatively to the migration of the Voronezh peasantry from the middle of the XIXth century till the period of the persecution of the Germans during the World War I, especially cruel ones concerning some new settlers of the newest colonies in Donskaya oblast.

Key words: agrarian settlement, German colonists, military repressions.

Существующая традиция обособленного изучения немецкой колонизации от переселений крестьян [1, с. 1–26; 2, с. 1–25; 3, с. 1–41], а освещение последних: по размерам – массовых и по значению – решающих уже без показа посильного вклада колонистов [4, с. 1–182] оборачивается односторонними подходами и соответственно малодостоверными выводами, вопреки реалиям единого потока на окраины страны русских с немцами и представителей других национальностей.

Рассмотрим общность и специфику миграций германских колонистов и коренного населения Центрального Черноземья с единственной колонией в Воронежской губернии, обязанной введению в 1763 г. политике поощрения иностранной колонизации, главным образом силами немцев, покидавших родину из-за угрозы малоземелья и семейного обеднения. Зато пока в малолюдных регионах Российской империи, включая воронежско-донское пограничье, им бесплатно выдавали в подворное владение значительные угодья из плодородных земель, снабжали деньгами на заведение хозяйства, освобождали от повинностей и т.д.

По воронежской публикации 1894 г., в конце 1765 г. целая партия немцев прибыла в Воронеж, затем колонистов отправили южнее, перезимовать в г. Острогоске, недалеко от которого они в 1766 г. основывают колонию – поселок Рибенсдорф в числе 72 семей германских подданных – большинство из Вюртемберга и отчасти из Пфальца – лютеранского исповедания, пополненных тогда же рядом подселенцев, несколькими ремесленниками и собственным

священником. Всего 259 человек, т.е. колония начала жизнь при 3,6 душ среднего состава семьи. В занятиях земледелием на подворных участках размером до 60 десятин в сочетании с новациями: от применения глубоких плугов до разведения товарного табака рибенсдорфцы превосходили местных крестьян, отвечавших иммигрантам «недоверчивым отношением» [5, с. 120–121, 123, 125].

В краеведческом справочнике 1992 г. датой основания этого поселения также назван 1766 г. [6, с. 195]. Специальная энциклопедия 2006 г. содержит иные сведения: «осн. в 1765», 54 семьи при 209 душах (т.е. в среднем 3,9 чел. на семейство) «из Зульцфельда, Саксонии, Пруссии и Шварцвальда» [7, с. 426].

Лишь в 1825 г. после окончания смены поколений с германских уроженцев на их воронежских потомков, прошедших почти полувековую школу социальной адаптации с этническим обрусением, колония переходит в русское подданство [8, л. 5–5 об.].

Отныне ее жители поменяли свое сословие с «иностранцев» на «колонистов». И хотя в 1871 г. последних формально приравнивали к крестьянам в качестве их разновидности «поселяне-собственники (бывшие колонисты, водворенные правительством на казенных землях)», определение «колонисты» сохранилось начиная с привлечения таковых в 1874 г. к несению военной повинности [5, с. 110, 122; 8, л. 5 об.; 9, л. 2–19].

К 1878 г. воронежская колония уже как Рибенсдорфская волость выросла до 2,3 тыс. жителей, включая 1,5 тыс. в слободе, остальные жили в с. Павловском и нескольких хуторах владельцев Деререр, семьи Семке и других немцев. Новые населенные пункты возникли в качестве ближней сети выселения дочер-

него типа и представляли собой компактно-круговой ареал расположения. В материнской колонии размещались волостное правление, пастор с кирхой, школа для учебы 370 детей и небольшие промышленные заведения. Однако при 153 дворах поземельный надел на семью уменьшился уже до 25 десятин, а главной бедой колонии стало появление множества безземельных родственников в условиях жесткого обычая немцев «выселять на сторону все молодые семьи, раз они ощущают нужду в наделной земле». Поэтому в волости за 1878–1884 гг. число наличных людей рекордно упало с 2,3 до 0,7 тыс., что убергло оставшихся колонистов от опасного земельного дробления, ведущего к бедности, от которой их старшее поколение бежало с германской родины. Укрупненное земледелие и национальное трудолюбие, грамотность жителей с лютеранской моралью «дали рибенсдорцам возможность занять среди острогожского крестьянства первенствующее место со стороны материального благосостояния» [5, с. 121–124; 7, с. 426].

В 1895 г. было описано «типическое» хозяйство Рибенсдорфа: семья состоит из шести человек: хозяйина, супруги (обоим по 36 лет) и их четырех детей (от 4 до 15 лет). Взрослые окончили, а старшие дети учились или еще ходят на уроки «по 7 лет в своей местной школе» (учеба детей воронежского крестьянства длилась 4 года в земских и лишь 3 года в церковно-приходских школах). «Кроме немецких книг, в семье есть на русском языке Библия, Новый Завет, Священная история, Календарь, Родное слово, Азбука и две сказки».

Колонистское хозяйство имело чисто аграрную направленность: кроме «наследственной» земли в 28 десятин как неразделенной подворно-семейной собственности, оно еще арендовало 10 десятин (за 70 руб.) под зерновые культуры и частично для сенокоса. Во дворе были жилой дом, амбар, сарай и т.п. Орудиями труда служили два плуга, четыре бороны и др. Крупный скот включал 5 лошадей, 3 коров и 3 телят; мелкий – 5 свиней и т.д.

Дефицит семейного труда для столь обширного хозяйства покрывали наемные работники (по-видимому, из колонистов, оставшихся без наделов): годовой батрак (за 56 руб.) и летний рабочий (за 28 руб.). С другой стороны, «10 лет тому назад из семьи выделился другой брат, ушедший на купленный участок земли»; младшие за выделы без надела обычно получали откупные деньги от старших [10, с. 162–190, 268].

Остается добавить о растущей враждебности в Воронежской губернии относительно оседлого колонистского элемента, выраженного представителем ее культурной общественности, каким был М. Н. Быков, который для издания 1894 г. дал резкую оценку всем немцам России: «колонисты эти, долго пользуясь льготами, в ущерб русскому населению, при любви

к труду, настойчивости, национальной обособленности и замкнутости, уже успели образоваться в особые, чуждые нашему крестьянству, общины, каковыми немецкие поселения пребывают (от Екатерины Великой. – А. К.) и до настоящего времени», включая рибенсдорфскую колонию [5, с. 111–112].

Россия в 1770-е гг. начала освоение черноморско-приазовских регионов с воинской колонизации – преимущественно казаками, включая перевод из воронежского г. Новохоперска казачьего полка на кубанскую линию в 1777 г. Для придания этому процессу массовости применяли форму смешанного заселения, начинавшегося как организованная (получение разрешения в центре страны, отвод наделов на южной окраине и т.д.) аграрная колонизация казенным крестьянством и заканчивавшегося его перечислением в казачье сословие населения Донской и Кубанской областей. Например, последняя колонизация за 1777–1860 гг. приняла минимум 20 тыс. душ воронежских переселенцев [11, с. 29–30, 32–33, 64, 131, 134, 147–150].

Воронежские немцы Острогожского уезда приняли участие в земледельческом переселенчестве значительно позднее местного крестьянства – лишь с 1852 г. – и в меньшем размере – около 200 людей – с учетом малого количества всех колонистов края. С крестьянской колонизацией данного времени их сближал разрешительно-миграционный порядок, усиленный наказаниями за самовольное выселение.

Малоземельная часть рибенсдорфцев совершила выселение по указу Николая I от 20 апреля 1852 г. в Ейский отдел Кубанской области (границил с областью войска Донского) на безвозмездно им отведенные там 1015 десятин казенной земли (ранее казачьей) из расчета по 30 десятин на хозяина – «на берегу Азовского моря», куда сразу ушли 30 семей, основавших дальше от материнской колонии дочернее поселение с немецким названием Михельсталь и 182 колонистами в 1853 г. (в среднем 6,1 чел. в семье). В 1859 г. число жителей новой колонии достигло 225 чел. вместе с остаточными подселенцами, что составило 13 % к 1713 проживавшим в Рибенсдорфе в том же году. В 1917 г. естественный прирост в этой приазовской колонии довел число живших там немцев до 800 душ при 1,2 тыс. в материнской колонии Рибенсдорф [7, с. 310, 426; 11, с. 80; 12, с. 108; 13, с. XXXIII].

С 1860-х гг. получило развитие стихийное заселение казачьих областей крестьянской беднотой Воронежской губернии. Становясь там батраками у многоземельного крестьянства и немногочисленных помещиков (от 80 руб. в 1860-е гг. до 40 руб. к 1900-м гг. за летнюю страду), а впоследствии арендаторами их же свободных площадей (от 2 руб. в 1860-е гг. до 20 руб. к 1900-м гг. за десятину в год),

они, официально не перечисляясь на новое место постоянного жительства, проживали там по паспорту. К 1886 г. туда переселились сотни острогожских семей «беднейшего крестьянства», испытывающего разорение от растущего обезземеливания: «сначала переселенец идет обыкновенно в отхожий промысел, нанимается там на срок или на год, подыскивает подходящий участок и, если найдет его, то переводит сюда семью и строит землянку» [14, л. 192 об. – 194, 195, 198 об. – 199 об.; 15, с. 1–17].

Типичное описание целого хутора воронежских арендаторов частных угодий вблизи станицы дано в 1883 г.: «Это были просто десятка два с небольшим жалких землянок... Кругом не было никаких хозяйственных построек – ни сарайчиков, ни закут, ни базов. Не было видно ни скота, ни домашней птицы... Все говорило о такой ужасной, невероятной бедности, в само существование которой трудно верилось». Все «переселенцы прибыли сюда еще прошлой осенью», на обычных телегах, но лошадей продали, «потому что кормить нечем было». Заразившись здесь «лихорадкой» на хуторе, «умерло за зиму ровно восемнадцать человек, что на 22 семьи составляет ужасный процент». Владелец участка уже требует заплатить «по 25 руб. с землянки за право “жительства” на его земле». Ныне в лето «работают на полях соседних станиц», чтобы собрать деньги на вспашку снятой земли.

На расспросы о причинах их исхода с родины очевидцу всего этого ответили, что «у нас в деревне было тридцать восемь дворов... Были мы помещичьи. Ну, как освободились мы из-под помещиков, нарезали нам сорок десятин. Только пятнадцать десятин – самый песок, даром его не нужно, а двадцать десятин пошло под дворы. Стало быть, пять десятин остались под пахоту...». После отмены крепостного права от такого малоземелья «народ и идет оттуда сюда... И мы пошли, не пропадать же! Тут и трудно сначала, да потом поправимся...» [16, с. 30–31].

Даже к 1906 г. только на Кубани «сотни поселков и хуторов занимаются хозяйством на арендованной земле, не имея ни клочка своей собственной. Положение таких крестьян совершенно не обеспечено. Можно привести много примеров, когда владельцы земель, на которых устроились арендаторские поселки, по окончании срока аренды непомерно возвышали арендные цены, и арендаторы... принуждены были согласиться на эти цены, так как переселение на другой участок было бы для них равносильно полному разорению» [17, с. 56].

«Десятки лет» эти мигранты «не перечисляются из прежних своих обществ в новые, а живут на “новых местах” по паспортам» своих прежних волостных правлений: обыкновенно «годовых», изредка «пятилетних» (с 1906 г. крестьянам, колонистам и т.п.

разрешили уходить по «бессрочным книжкам»). Для посылки таковых почтой надо заранее внести «все платежи; посылать взятки писарю и старшине, чтобы не задержали паспорта; в случае замедления высылки паспорта – входить в сделку с местной полицейской властью, чтобы не арестовали как беспаспортного» с последующей депортацией домой по этапу [16, с. 19–20].

Распространенность такого переселенчества рисуют данные всеобщей переписи населения России на 28 января 1897 г.: в Донской области постоянно проживали 88 тыс. уроженцев Воронежской губернии, в Кубанской их насчитали 87 тыс. [18, с. 125, 143].

К 1867 г. население Воронежской губернии достигла 2 068 988 чел., из них 2321, или 0,1 %, составляли колонисты [19, с. 2, 85]. С 1866 г. они с небольшим опозданием включились в стихийное заселение Приазовья, но, располагая деньгами, – на купленных участках (еще по 20 руб. к 1870-м гг. и уже 200 руб. за десятину к 1890-м гг.), хотя тоже предпочитая проживать на них по паспортным документам. По свидетельству их современника, «Рибенсдорфская колония» была материнским «гнездом, вылетевшие и вылетающие птенцы которого выют себе собственные гнезда, но только на новых – южных пунктах», причем теперь «в Донской области».

Плацдармом этому служила уже южная колония Михельсталь, когда ее 14 семей в совокупности с рибенсдорфцами основали в 1866 г. с Ольгенфельд в рамках казачьего Ростовского округа на правом – Донской области – берегу (левый числился за Кубанским краем) речки Ея, почти на приазовской территории, поэтому таковые там «живут даже лучше», чем воронежский Рибенсдорф. К 1916 г. в нем вели сельское хозяйство на 534 десятинах «собственной земли» 52 колонистских двора (в среднем 10 десятин на хозяина) при 277 чел., давая 5,3 на семью [5, с. 125; 6, с. 382].

В 1878 г. (по общенемецкой энциклопедии) на выкупленных землях Таганрогского округа у одноименного залива Азовского моря были образованы еще три донских колонии с прямыми переселенцами из Рибенсдорфской волости: основатели – еще в начале 1870-х гг., подселенцы – уже в конце 1880-х гг., большинство туда пришли на рубеже этих десятилетий (по архивным сведениям). Новизну представляли их русские наименования: Новая Надежда, Петропавловка и Степная как следствие обрусения позднейших новоселов. Своим молельным домом располагало первое поселение при 261 жителе к 1916 г., причем их предки – преимущественно вюртембергцы (ныне это полоса юго-запада ФРГ). Остальные поселения были основаны потомками иммигрантов из Гольштинии (на северо-западе ФРГ): в составе второго – 620 чел., на долю третьего пришлось лишь 65 душ,

всего около 950 людей [7, с. 158, 332, 396; 8, л. 98–189 об., 194–209 об.].

В 1917 г. вместе с Михаэльсталью (800 чел.) и Ольгенфельдом насчитывалось 2 тыс. колонистов, тогда как к 1901 г. оставалась воронежская тысяча жителей материнской Рибенсдорфской волости [7, с. 462].

В итоге за 1852–1917 гг. ареал расселения колонистов, главным образом оставаясь групповым, обрел черты не только дочернего, но теперь дальнего и одновременно дисперсно-линейного расположения.

В предвоенное десятилетие из-за подорожания земли в южном направлении немцы вслед за крестьянами втягиваются в уход на Урал с расчетом оседания на даровых угодьях. В частности, в выселении туда в 1906 г. приняли участие всего 7 семей воронежцев-«колонистов» (всего 34 чел., т.е. с семейным составом в 4,9 чел.), которые все были дома без наделов. Зато воронежское крестьянство дало 1255 семей со средним наделом около 7 десятин. Число немецких семей относительно всех выселявшихся из губернии составило только 0,6 %, однако значительно превосходило по сравнению с оставшимися (0,1 %), что показывает шестикратное относительное превышение исхода с родины колонистов над крестьянами [20, с. 6–7].

Причем уже с давних пор колонистское сословие Воронежской губернии, недостаточно там укоренившись, усиленно вымывалось миграциями и постепенно численно сокращалось: в 1876 г. – еще 2,6 тыс., живущих в регионе, а на 1892 г. – уже лишь 1,1 тыс. душ, в то время как наблюдался рост всего губернского населения, в особенности крестьян: с 1,9 млн чел. в 1867 г. до 2,4 млн чел. в 1897 г. [5, с. 128; 18, с. 165; 19, с. 73].

В тяжелую эпоху Первой мировой войны российские власти развернули политику репрессий в отношении немецких колонистов с выселением из прифронтовой полосы на восток страны и только с «отчуждением» их недвижимого имущества в пограничной местности, приобретенного в собственность после 1870 г., включая территории с морским побережьем, в том числе Донскую область [21, л. 32, 223–223 об.].

В сохранившейся документации Особого комитета по борьбе с немецким засильем (ф. 1483 в РГИА) о ликвидационных мероприятиях с 1915 г. нами обнаружено уникальное дело по трем основанным на Дону примерно в 1878 г. поселкам колонистов воронежского происхождения.

Его открывает прошение на имя императора от 30 семей о том, что они на лето 1916 г. «поселяне-собственники слободы Рибенсдорф, той же волости, Острогжского уезда Воронежской губернии, ныне проживающие в колонии “Новая Надежда” с земельным имуществом в размере около 1850 десятин». В апреле 1915 г. донскими властями «на основании

Закона 2 февраля 1915 г. о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских и германских выходцев... был опубликован список подлежащих ликвидации имуществ, в каковой попали и мы с принадлежащим нам земельным имуществом», что «нами было своевременно обжаловано в Правительствующий Сенат с указанием как на давность состояния нашего в российском подданстве, так и на нахождение наших сыновей, братьев, отцов и мужей в Действующей армии в рядах защитников Царя и Родины». Ответа на жалобу «мы не имеем, а между тем уже в августе (1916 г. – А. К.) истекает установленный в законе срок и наше законное имущество должно поступить в публичную продажу...».

«Это применение к нам закона о ликвидации имуществ в отношении нас является суровой и едва ли заслуженной нами карой, ибо грозит нам полным разорением», тем более что «в настоящей Великой войне в рядах защитников Царя и Отечества из нашего небольшого, всего в 24 двора (однако при 30 семьях. – А. К.), поселка уже состоит, не включая попадающих в мобилизацию 15 июля 1916 г., 43 человека, в числе коих имеются погибшие на войне, раненые и георгиевские кавалеры». Остальные же колонисты «в поте лица своего заняты нашим исконным сельским трудом, стараясь по мере сил, чтобы ни одна пядь земли, которой мы владеем, не осталась не обработанной и работаем все – и немощные старики, и женщины, и дети». Поэтому просим «об изъятии нас и наших имуществ от действия закона» 2 февраля 1915 г. В конце следуют личные подписи хозяев, все они на русском языке [8, л. 2–3 об.].

К их обращению приложено официальное «удостоверение» воронежского губернатора от 17 мая 1915 г. о том, что «полицией дознанием» и по разнообразным «документам» установлено следующее: все указанные просители «являются потомками немцев-колонистов, поселившихся в России в царствование императрицы Екатерины Великой в 1766 г.», жительствова в Рибенсдорфе, они «в ноябре 1825 г. приняли присягу на российское подданство», а «с 1874 г. все лица мужского пола Рибенсдорфского сельского общества привлекаются к отбытию воинской повинности», при этом, хотя они «проживают в области войска Донского, но воинскую повинность отбывают в Острогжском уезде и получают паспорта из Рибенсдорфского волостного правления», продолжая считаться «поселянами-собственниками слободы Рибенсдорф Острогжского уезда Воронежской губернии» [8, л. 5–5 об.].

Подобные послания царю были отправлены из Петропавловки и колонии Степной, в том числе из первой писали от имени 46 семей, живших в 35 дворах, больше всего с семьями старшего и младшего братьев в одном дворе, при 3665 десятин: «Родившись

в России и неотлучно проживая в ней, мы только Россию считаем своей родиной, так как в других странах у нас никого нет и связи какие бы то ни было с ними отсутствуют». На войну из семей уже «призвали 52 человека, которые отражают своей грудью дерзновенного врага матушки России, среди которых есть раненые, убитые и сироты последних – это наследие геройской защиты России» [8, л. 93–94 об.; 191–191 об.].

В отношении этих двух поселений наиболее интересна их независимая оценка от Таганрогского округа: «Все поселяне колонии (и первой, и второй. – А. К.) настолько обрусели, что по жизни, языку и обычаю не отличаются от русских, а особенно молодые люди и дети, которые хуже объясняются на немецком языке, нежели на русском; вполне преданы Его Императорскому Величеству Государю Императору и родине России. Чужды всякой политике, они исключительно хлебопашцы. Ведя образцовое хозяйство и производя большие посева, они являются кормильцами всей округи, особенно при недородах; к местному крестьянскому населению всегда дружелюбны и отзывчивы на их нужды, помогая хлебом, соломой и другими произведениями сельского хозяйства. Отзывчивы к нуждам Родины и несут обильные жертвы при сборах на военные нужды разными уполномоченными лицами и учреждениями. От их немецкой национальности у них осталась лишь одна религия»: поголовно находясь в русском подданстве, ни один не стал православным вместо лютеранства [8, л. 97–97 об., 193–193 об.].

Кроме этого, по каждой колонии были собраны данные «секретного характера» о семейных хозяевах земельных участков. В колонии Степная выделяется ее основатель – «Дрейлинг Иван Иванович», который родился в Рибенсдорфе в 1835 г., «окончил курс Острогожского уездного училища», недавно «паспорт послал на перемену в Рибенсдорфское волостное правление», переваливши возраст за 80 лет уже «совершенно обрусел», на русском языке говорит «свободно и лучше, нежели на немецком». Руководит хозяйством в 174 десятины с 25 лошадьми, 8 коровами и т.д. с рабочей силой из сыновей и внуков [8, л. 10–10 об., 194–195].

По Новой Надежде особо сравним уродившихся в Рибенсдорфе и большинство жителей из донских уроженцев. Из первых это «Дедерер Мартын Федорович, родился в 1872 г. в колонии Рибенсдорф», где «учился в немецкой школе»; прошел службу в нашей армии, которая дала знание русской речи и народных традиций; за границу «не отлучался». В свои 44 года имеет лишь жену 39 лет и сына 19 лет, ныне призванного в Вооруженные силы. Живет здесь по «бессрочной паспортной книжке, выданной Рибенсдорфским волостным правлением» в 1906 г. С колонистами

общается «на немецком и русском, среди русских говорит по-русски», «говорит на русском совсем свободно», также «свободно читает и пишет по-русски». С русскими обычаями «вполне свыкся, отношение к русским – хорошее». «Поведения и нравственных качеств хороших, под судом не был и не состоит. Политически благонадежен». Хозяин 20 десятин купчей земли, «дома с усадьбой и постройками», содержит «8 лошадей, 4 коровы» и др.

Из вторых это «Семке Софья Михайловна», «немецкая лютеранка», числившаяся домохозяйкой, поскольку «муж находится на русской воинской службе». «Родилась в 1886 г. в колонии Новая Надежда», училась здесь в «немецкой школе». «Отец умер в России, мать живая и проживает при ней», бездетная. «Связь с родины своих предков не сохранила». Абсолютно двуязычна: «между своими – по-немецки, а среди русского населения – по-русски», причем на втором «свободно говорит, читает и пишет». «Политически благонадежна, под судом не была и не состоит, поведения хорошего». Полевая земля в семье отсутствует, всего во дворе «дом с усадьбой (огородом. – А. К.) и постройками, 3 коровы» [8, л. 11–11 об., 41–41 об., 70–70 об.].

У Особого комитета по борьбе с немецким засильем очередь на решение судьбы немцев этих донских колоний дошла в канун падения царизма – 23 февраля 1917 г., когда он вынес рекомендацию для администрации об отобрании их имущества. Однако 14 июля того же года Временное правительство упразднило это учреждение, а еще в мае запретило гонения на немецкие колонии [8, л. 92–92 об.; 22, л. 52; 23, л. 2].

В общем итоге за 1852–1917 гг. на приазовских землях из воронежских немцев появился новый ареал диаспоры обрусевших наследников германских иммигрантов, переток которых в данный регион серьезно подорвал ее изначальный плацдарм в Воронежской губернии, зато внес свою лепту в демографическое и экономическое укрепление Приазовья.

В 1917 г. немцы самых молодых колоний Донской области, порвавшие с изоляцией в материнском Рибенсдорфе, к отцовскому вступлению в российское подданство и потере связей со старой родиной добавили собственный и необратимый прогресс реального обрусения с переходным немецко-русским двуязычием, с еще немецкими фамилиями, но уже с русскими именами; а также службу мужчин в армии, успешные контакты с местными жителями и т.д. Исключение пока составляли верность лютеранству и этническая брачность. Внутреннее расслоение состояло в уходящих различиях по географии выхода с родины в 1765 г. (Вюртемберг или Гольштиния), но более всего в непрерывности генерирования материального размеживания, порождающего кадры безземельных людей.

В процессах колониального и крестьянского выселения по их определяющим условиям доминировала схожесть начиная с нарастающего малоземелья в местах выхода и вплоть до заведения хозяйства на новой земле. Особенности относились к конкретным проявлениям: хронологии исхода и количеству потока, а также аренде земель или купчим угодьям на приазовской территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малиновский Л. В.* Социально-экономическая жизнь немецкой колониальной деревни в Южной России (1762–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Л. В. Малиновский. – Л. : ЛГУ, 1986.
2. *Плохотнюк Т. Н.* Немецкое население Северного Кавказа : социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Плохотнюк. – Ставрополь : СГПУ, 1996.
3. *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / П. П. Вибе. – Омск : ОГПУ, 2009.
4. *Иноземцев И. В.* Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861–1914 гг. : дис. канд. ист. наук / И. В. Иноземцев. – Воронеж : ВГУ, 2005.
5. *Былов М.* Немцы в Воронежском крае / М. Былов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. – Воронеж : Губстатком., 1894. – Отд. III.
6. *Загоровский В. П.* Воронежская историческая энциклопедия / В. П. Загоровский. – Воронеж : Истоки, 1992.
7. *Немцы России : населенные места и места поселения : энцикл. словарь.* – М. : ЭРН, 2006.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д. 21.
9. РГИА. – Ф. 1246. – Оп. 1. – Д. 9.
10. *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты / Ф. А. Щербина. – Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1900. – Ч. II.
11. *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа : этностатистическое исследование / В. М. Кабузан. – СПб. : БЛИЦ, 1996.
12. *Чернова-Дёке Т. Н.* Миграционная политика и становление немецких колоний на Кавказе в начале XIX в. / Т. Н. Чернова-Дёке // Вопросы истории. – 2011. – № 7.
13. Воронежская губерния : список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб. : ЦСК МВД, 1865.
14. РГИА. – Ф. 391. – Оп. 1. – Д. 4.
15. *Щербина Ф.* Переселенцы Острогжского / Ф. Щербина // Энциклопедический журнал. – СПб. – 1886. – № 22.
16. *Абрамов Я. В.* Очерки Северного Кавказа / Я. В. Абрамов // Дело. – СПб. – 1883. – № 12.
17. *Шершенко А. И.* Правовое и экономическое положение переселенцев на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края : сб. сведений о Северном Кавказе / А. И. Шершенко. – Ставрополь : Губстатком., 1906. – Т. 1.
18. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – СПб. : ЦСК МВД, 1905. – Т. I.
19. Статистический вестник Российской империи. – СПб. : ЦСК МВД, 1871. – Вып. 1.
20. Сборник цифровых материалов для изучения крестьянских переселений : 1906 год. Сибирское переселение : Итоги учета переселенческого движения в Челябинске. – Челябинск : Переселен. управление, [б. г.].
21. РГИА. – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д. 13.
22. РГИА. – Ф. 1483. Оп. 1. – Д. 1.
23. РГИА. – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д. 2.

Курский государственный университет

*Курцев А. Н., кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России*

E-mail: kur-ist@mail.ru

Тел.: 8 (4712) 58-83-35

Kursk State University

*Kurtzev A. N., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor of the History of Russia
Department*

E-mail: kur-ist@mail.ru

Тел.: 8 (4712) 58-83-35